

Молодой сержант Зейнолла Шарипбаев служил водителем в автотранспортной воинской части. До демобилизации ему оставалось менее двух месяцев. Но случилось непредвиденное. В очередном рейсе автоколонна, в составе которой он ехал, попала в душманскую засаду, и в возникшей перестрелке Зейнолла получил смертельное ранение.

В извещении, присланном матери Заужан Хабибулловне и отцу Зекену Бергентаевичу, командир воинской части В. Неве-ров и его заместитель по политической части В. Слободяник писали: "Ваш сын Зейнолла прожил короткую, но яркую жизнь... На наших глазах из скромного паренька он вырос в отличного воина... В неоднократных схватках с моджахедами проявил себя храбрым и находчивым бойцом и лично уничтожил 12 душманов, при этом сам всегда оставался невредимым. Мы гордимся, что служили с ним рядом..."

Семья Шарипбаевых жила на улице 10 проезд, в той части Экибастуза, которую называют поселком Северным; он застроен такими же одноэтажными индивидуальными домами, как у Шарипбаевых.

Зейнолла рос спокойным и уважительным парнем. Дружил с соседскими ребятами ничем не выделялся, был щупленьким, невысокого роста. Те, кто бок о бок прожил с Зейноллой, потом так и не вспомнят ничего необычного из всей короткой его жизни. Говорили: простой, обыкновенный, такой же, как все.

- Смелый, сдержанно скажет сестра Сауле. - А так ничем не отличался, да и вида совсем не героического. А вот как вышло...

- Зейнолла особенным не был, - говорит Зекен Бергентаевич. - Мальчик как мальчик. И силой не отличался. Был застенчивым и всегда хотел помочь...

..Хотел помочь... Это и была черта, которая отличала его от многих других.

Он вырос внимательным к людям, прежде всего, матери и отцу, сестрам и родственникам. Эти качества, впитанные в семье, отмечают в нем и учителя средней школы №1, где он проучился десять лет.

- Когда семь классов окончил, - говорит отец, - объявил нам, что хочет поехать и поработать в совхозе. Мы пускать не хотели: пусть отдохнет, каникулы же! Но он все же поехал. Потом принес матери первую зарплату. Сияет! Когда уходил в

армию, все беспокоился: как же мать будет таскать воду из колонки. Из армии писал: "...как вернусь, возьмите путевку в санаторий, отдохните, а я с хозяйством сам управлюсь". Писал, что служит в афганском городе Герат. О трудностях - ни строчки, больше

о друзьях-сослуживцах. Чтобы скрыть неустроенность быта и утешить мать, расхваливал солдатские обеды и жизнь, о которой приходилось только мечтать. Да и мечтать-то было некогда. Все время в рейсах. Он совершил 46 рейсов. Каждый был сопряжен с большим трудностями. Приходилось ездить по плохим и пыльным дорогам, зачастую по бездорожью и горным перепадам со множеством неожиданных сюрпризов и постоянной опасностью для жизни.

Подвозили гарнизонам, разбросанным по всей стране, боеприпасы, хлеб, муку и другие продукты питания, топливо, цемент и многое другое. В свободные от рейсов дни занимались техническим уходом за машинами или строили казармы и столовые, в соседнем кишлаке - школу для афганских детей.

Еще Зейнолла писал о своем будущем. Страстно хотелось учиться, по-новому жить. Уже условились с двоюродным братом Алибеком поступить после службы в институт, стать зоотехниками. Дни получения писем в доме Шарипбаевых становились событием. Если письма

задерживались - замирала вся семья. Соседи при случае спрашивали: "Как там Зейнолла?" Письма читали всей семьей, вслух. Затем передавали друг другу листы, вчитываясь, ища в них тревожные нотки.

А Зейнолла служил уже почти два года и удивлялся тому, что видел и пережил. Монотонные солдатские будни изнуряли душу, нагоняли тоску по дому. Покой, о котором писал в письмах, был для успокоения родителей. И все же однажды он написал: "Считайте меня заново рожденным". А дальше в письме слова были прежними, но звучали как-то строже, суровее. Видно было, чувства его стали обостреннее. Зейнолла считал, что если любовь - то на всю жизнь, если ненависть - то смертельно.

Сорок седьмой рейс стал для него последним. Груз доставлен до места, колонна двинулась в обратный путь. Минуты последний пост, машины неслись все быстрее.

Надо было к вечеру прибыть в Герат.

Зейнолла на новеньком "Урале" ехал последним в колонне. Осталось недолго. Напряжение слегка спало. Мысли вразброс, больше о доме, после армейской жизни. Срок службы отсчитывал последние месяцы.

Накануне он отправил письмо домой с сообщением: скоро обнимет мать, отца и сестер.

Мысли Зейноллы прервала гулкая дробь пулемета и взрыв, потрясший тишину. Колонну ожидала душманская засада.

- Духи! - крикнул напарник. Вскинув автомат к окну, начал стрельбу. И фонтанчики вздыбленной пыли, запрыгав по склону, метнулись в сторону, откуда шла стрельба. Ближе, точнее. Огневая точка

замолкла, но ожила другая. Душманский свинец ударил в лобовое стекло. Окно разлетелось вдребезги. Бездыханно повалился на бок напарник.

Колонна, ошестившись стволами, уходила из зоны обстрела. Душманы сосредоточили огонь на последней машине, пытались ее остановить, а затем и уничтожить. Зейнолла толкнуло назад, сильно обожгло плечо. «Только бы не остановить, не потерять управление машиной, ведь в кузове люди», - не отпускала его мысль. Он повалился на руль. Но через несколько секунд усилием воли поднял голову. Руки намертво сжали рулевое колесо, ноги - педали акселератора.

И снова что-то острое обожгло тело и сдавило грудь Зейноллы. Земля покачнулась, тело сжалось, оцепенев от боли. Но, собрав оставшиеся силы, он овладел собой. Ему оставалось жить лишь минуты. Но минуты были длиною в десятки жизней сослуживцев, что сидели в кузове его "Урала". И умереть он не имел права, пока не вывезет их из душманского огня.

Машина увеличила скорость, догнала колонну. А силы оставляли Зейнолла еще быстрее, чем мчалась машина. Обгоняя колонну, машина ушла вперед.

Говорят, человек может жить одной волей. И, если уже невозможно, он живет ровно столько, сколько необходимо. Зейнолла хватило еще на семь километров. Этого было достаточно. Все, кто сидел в кузове, были спасены.

Зейноллы больше нет среди живых. Но есть в его родном городе улица, которая носит его имя. На доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска. Заужан Хабибулловна и Зекен Бергентаевич дали маленькому сынишке, родившемуся после смерти старшего брата, его имя, чтобы оно сохранилось в семье.

Б.Кадыров